

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРОБЛЕМНОМ ИЗМЕРЕНИИ

© 2014 г. Д.Б. Абдурахманов

Абдурахманов Дукуваха Баштаевич – кандидат экономических наук, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Старопромисловое шоссе, 21а, г. Грозный, 364051. E-mail: kniiran@mail.ru.

Abdurakhmanov Dukuvakha Bashtayevich – Candidate of Economic Sciences, Complex Institute named after Kh.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, Staropromyslovskoye highway, 21a, Grozny, 364051. E-mail: kniiran@mail.ru.

Анализируются основные социально-политические проблемы Северного Кавказа, которые могут стать факторами институциональной и политической турбулентности. Показаны условия, при которых политические системы утрачивают стабильность и способность регулировать социальные отношения, обеспечивать безопасность граждан и государства. Отмечается амбивалентная роль региональных и этнических элит в этнополитическом процессе на Северном Кавказе.

Ключевые слова: *политическая турбулентность, политические институты, Северный Кавказ, социальная структура, конфликты, национальные республики, терроризм, кризис.*

The article analyzes the major socio-political problems of the North Caucasus, which may become the factors of institutional and political turbulence. The conditions under which political systems are not stable and the ability to regulate social relations, to ensure the safety of citizens and the state are shown. Ambivalent role of regional and ethnic elites in the ethnopolitical process in the North Caucasus are considered.

Keywords: *political turbulence, political institutions, North Caucasus, social structure, conflict, national republics, terrorism, crisis.*

Глобальная нестабильность, политическая турбулентность во многих регионах мира, в том числе у границ России (на Украине), всплеск русофобии [1] на западе и антироссийские акции ставят вопрос о возможности политической турбулентности на Северном Кавказе – одном из самых проблемных регионов страны. Там отмечается, на наш взгляд, наличие ситуации латентной турбулентности, когда действия федерального центра, накладываясь на процессы в региональных властных институтах и элитах, создают условия нестабильности и неопределенности, при которых действия власти не приостанавливаются, но часто входят в поле противоречий.

Одна из проблем – в недостаточно эффективном государственном управлении, выражающемся в невозможности проводить широкомасштабные реформы. Большинство регионов Северного Кавказа испытывают проблемы, связанные со слиянием разных моделей управления – формальной и неформальной (традиционной), что влияет на разрастание коррупции и быстрое расслоение общества на богатых и бедных.

Стабильность политики как контроверза политической турбулентности является основой снижения социальной напряженности в обществе и достижением на основе определенного компромисса интересов различных социальных групп национального согласия,

связанных с вопросом выбора пути, необходимого для дальнейшего развития России и в частности по реформированию экономики и политической системы [2, с. 320].

Поддержание равновесия, существующее в динамических системах, зависит от меняющихся процессов, которые нейтрализуют как экзогенные, вызванные внешними причинами, так и эндогенные, вызываемые внутренними причинами, изменения, которые, если они зашли очень далеко, могут привести к различным изменениям структуры.

Относительно политической системы, слово «стабильность» означает устойчивое состояние, которое дает ей возможность эффективно функционировать и развиваться как при внешних, так и внутренних изменениях, структура при этом остается прежней. В рамках теории стабильной политической структуры политическая система показывает очень высокий уровень «поддержки», связанный с большей частью общества, институтов управления обществом и в отношении тех, кто стоит у власти.

Сам Северный Кавказ и территории, которые к нему прилегают, образуют самый полиэтничный российский макрорегион с разными по типам, по своим характеристикам субъекты Российской Федерации. Они обладают очень сложной социальной и политической историей и отличаются большим количеством запущенных проблем. Процесс распада социального, экономического и политического пространства и самого аппарата государственного управления республик, находящихся на территории Северного Кавказа, а также обострение социально-политических противоречий, связанное с борьбой этнических и религиозно-традиционалистских сил, и снижение эффективности федеральной власти в 90-е гг. не преодолено в полной мере и в настоящее время, ее коррумпированность при формальном усилении властной вертикали в наши дни обострила важные институциональные проблемы [3, с. 729]. Они связаны с неэффективностью властных структур регионального и федерального подчинения, которые могут более или менее адекватно работать только в условиях кризиса и под контролем федерального центра, заставляющего их мобилизоваться и выполнять те функции, которые по идее должны реализовываться в обычном режиме.

Нестабильность в области политики и определенная дезорганизация общества первой половины 90-х гг., создавшая институциональную турбулентность, является прежде всего результатом радикальной политики правительства, которая была ориентирована на то, чтобы внедрить рыночную экономику как единственный фактор, способный повлиять на преобразование всей совокупности сложных общественных отношений. На самом же деле они могут поддаться целенаправленному видоизменению только при использовании организационно-управленческих, научно-технических, финансово-экономических, духовно-нравственных мер. В данных условиях государство не имеет возможности уходить от выполнения регулятивной функции как в сфере экономики, так и абсолютно всей системы общественных отношений.

Многие политологи полагают, что активное участие населения довольно часто влекло за собой нестабильность из-за того, что произошло обострение группового конфликта и роста требований, которые завершились абсолютным крушением надежд, когда данные требования не были удовлетворены.

Помимо всего нестабильность может углубиться из-за отсутствия достаточно развитой политической культуры, которая способствует цивилизованному участию граждан в делах страны. Чтобы поддержать стабильность, необходимо произвести ограничение политического участия до того, пока сами политические институты не будут достаточно сильными, чтобы самостоятельно поддерживать более высокие уровни участия.

Во время быстрого перехода самого общества из одного состояния в другое, при разрушении кодексов поведения и возникновении обстановки, связанной с неповиновением закону, люди более остро воспринимают призывы харизматических лидеров, присоединяются к массовым движениям, из-за чего и возникает нестабильность.

Заметим, что общие стремительные перемены в экономической, социальной, культурной сферах и быстрая смена элиты, которая находилась у власти, отрицательным образом влияют на стабильность в области политики.

Можно отметить, что политические системы становятся нестабильными, потому что происходит глубокий раскол общества – экономической, этнической, региональной и

идеологической сфер, в то время как политические институты не могут перебросить мосты между ними.

При сравнительном анализе устойчивости (стабильности) разных систем политики нужно учитывать такие факторы, как длительность существования организаций или процедур, также их авторитет в сознании общества, т.е. степень их институционализации. Одним из важных значений является учет количества и частоты уже произошедших государственных кризисов и переворотов и число, интенсивность беспорядков и других движений, которые направлены против действующего руководства и режима.

Система существующих проблем ведет многие субъекты Российской Федерации к невозможности мобилизации ресурсов в сторону реального решения экономических задач, так как это влечет за собой перераспределение собственности и национальных активов, которые должны попасть в руки властвующим группам. Последние не заинтересованы в развитии экономики страны, а предполагают только изъятие из нее доходов. В результате преобладание интересов властных или аффилированных властью элит очень часто противоречит национальным интересам.

Вторая проблема, связанная с состоянием системы власти, политическими элитами и идеологией отдельных регионов Северного Кавказа, проявляется в недостаточно эффективной структуре самой власти, продуцирующей конфликты. К огромному сожалению, элиты в некоторых регионах Северного Кавказа не смогли приспособиться к новым условиям. Их действия заключаются в строительстве замкнутой системы, что может привести к приоритету краткосрочных целей над долгосрочными, с сохранением власти над стратегическими задачами развития страны. В результате закрытость политической жизни проявляется как одна из основных проблем нашего общества.

Другая причина, связанная с неэффективностью структуры власти, определяется замкнутостью власти на себе и полным отсутствием механизмов обновления элит. Негативные тенденции развития системы власти сохраняются при опоре на постоянную перегруппировку элит без их обновления.

Низкая эффективность структуры власти в отдельных северокавказских регионах обу-

словлена также недостаточным количеством выборных механизмов, что может привести к перекосам при распределении элит и возникновении групп элит, которые образуются по региональному и клановому признакам. Система власти подвержена конфликтам на региональной основе, если наблюдается наличие четко выраженных региональных различий, что в свою очередь отражается в наличии кланов, основанных на этом принципе [4, с. 211].

Третьей проблемой системы власти, политических элит и идеологии Северо-Кавказских республик выступает низкий уровень доверия к власти со стороны общества. В некоторых территориях он вызван контролем за СМИ, что может повлечь за собой серьезное ограничение свободы слова. При таких условиях общество пребывает как в идеологическом, так и просто в информационном вакууме. В результате появляется опасность формирования в некоторых регионах деструктивных политических идеологий.

Четвертая проблема – отсутствие устойчивых политических систем, ориентированных на будущее самовоспроизводство. В большинстве случаев у власти нет для этого достаточных институциональных источников и процедурных механизмов легитимности.

Очень часто правящие группы и политическая система показывают неспособность к компромиссу. Одним словом, в их действиях наблюдается полное отсутствие легальных механизмов компромисса. В данных условиях управленческие режимы Северного Кавказа попадают в своеобразную ловушку, где, с одной стороны, для того чтобы сохранить стабильность, требуется ужесточить систему и тем самым попытаться нарастить потенциальную конфликтность как среди элит, так и в обществе, а с другой – путь по реальному и стратегическому выходу из проблемной ситуации, который является слишком стремительным, может привести к широкой дестабилизации и угрозе для самих элит.

Пятая проблема состоит в том, что при неразвитости гражданского общества участие большого количества населения в политике зачастую носит очень ограниченный характер, а сам процесс принятия решений протекает только на уровне элит без непосредственного участия субъектов гражданского общества. Данный факт влечет за собой неустойчивость большинства кавказских республик.

Ученые-политологи считают, что стабильность является вероятной, если политические институты определенного режима могут отзываться на требования его граждан. Отзывчивость может породить конкретную поддержку режиму и его должностным лицам. В большинстве случаев первое место занимают требования граждан, касающиеся их благополучия в экономическом плане. Волнения же случаются, когда народ полагает, что его экономическое положение хуже, чем оно должно быть [5]. В России большое количество людей испытывают материальные затруднения. Но надежды на улучшение достаточно быстро растут. Однако правительство не обладает таким количеством ресурсов, чтобы проводить политику удовлетворения нужд народа, вслед за этим следуют разочарование и возмущение. Несовпадение надежд с социальными и политическими реалиями становится наиболее распространенной причиной политической и социальной турбулентности, дестабилизирующей работу различных властных и общественных институтов.

В рамках борьбы быстро появляющихся групп интересов на внутривластном поле Северного Кавказа возникают внутривластные подвиги. Под их влиянием происходит процесс становления многополярной конструкции элитных группировок, посредством которых последние стремятся защитить собственные интересы, пытаясь обеспечить себе доступ к властным ресурсам. В результате образуются «неформальные центры политического влияния», которые начинают играть определяющую роль в развитии политических процессов. Если происходит игнорирование интересов этих центров, то может появиться угроза правящим региональным элитам, которая в свою очередь негативным образом повлияет на устойчивость переходных режимов. За последние годы практика показала, что данный сценарий политического развития в числе республик Северного Кавказа выступает как вполне реальный.

Шестая проблема проявляется в том, что до настоящего времени общество идет по пути развития в условиях определенного идеологического вакуума. Государство не может предложить никаких серьезных основ и концептов для формирования национальной идеологии и национальной идентичности. Ускорить процесс может развитие идеологии

«нации – государства» и гражданского общества, что закреплено, но не последовательно в «Стратегии государственной национальной политики до 2025 г.», и в данный момент фактически не имеется особых достижений. В кавказских обществах преобладают только две альтернативные идеи – исламская и этническая. Протест против власти может повлечь за собой быстрое институциональное оформление.

Религиозная идея с институциональной точки зрения на сегодняшний день может быть названа полностью развитой и «готовой к немедленному использованию». При этом является неизбежным то, что при расширении социального ареала данной идеи она становится формой политических требований. Этническая компонента остается одной из определяющих в современном социально-идеологическом развитии некоторых кавказских регионов. На это влияет несформированность в них идеологии «нации – государства», предполагающей доминирование в массовом сознании населения гражданской идентичности над этнической.

Политическая стабильность и социальный порядок требуют реализации системы первоочередных мер, создающих массовую поддержку реформам. Кризис общества в России обусловлен тем, что небольшевистские методы реформирования изменили прежнюю не очень эффективную, но все же дееспособную социальную структуру, обеспечивавшую определенное национальное согласие. Взамен начинается формирование вопреки всем ожиданиям малоэффективной, отягощенной криминальной патологией социальной структуры антагонистического характера [6, с. 56]. Такая деструктивная по своей природе система отношений в обществе не может обеспечить ни политическую стабильность, ни социальный порядок, ни национальное согласие.

Завершая данный анализ, можно сделать следующий вывод. Стабилизировать в институциональном плане Северо-Кавказский регион, как в принципе и все российское общество в целом, можно только при реализации комплекса политических, законодательных и административных шагов, которые обладают осмысленной системой целеполагания и практических действий [7, с. 9 – 17]. Социально-политический императив стратегической политики реформирования – это максимальный учет интересов всех социальных слоев и

групп населения, а также формирование ядра солидарности вокруг идей реформ в обществе. Практика же должна реализовывать идеи гражданского, социального и национального согласия.

Литература

1. Дегтярев А.К., Черноус В.В. Западная социальная мысль: комплекс культурного расизма и русофобии // Философия права. 2012. № 2.

2. Васьков М.А. Проблемы трансформации зарубежных управленческих технологий в российских социальных условиях: обобщение региональных социологических исследований // Россия реформирующаяся. 2012. № 11.

3. Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М., 2012.

4. Глезер О., Поляна П. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005.

5. Przeworski A. Democracy and Development. Political Institutions and Weil-Being in the World. Cambridge, 2013.

6. Дегтярев А.К., Черноус В.В. Гражданская идентичность в пространстве национального дискурса // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2011. № 3.

7. Васьков М.А. Концептуально-теоретические подходы к изучению идеологии гражданской идентичности в современном городе // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7.

Поступила в редакцию

14 мая 2014 г.

УДК 796.071:39

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА

© 2014 г. С.Б. Бымбыгыденова

Бымбыгыденова Соелма Баировна – аспирант,
кафедра политологии и социологии,
Бурятский государственный университет,
ул. Смолина, 24а, г. Улан-Удэ, 670002.
E-mail: Soela25@mail.ru.

Bymbygydenova Soyelma Bairovna – Post-Graduate,
Department of Politology and Sociology,
Buryat State University,
Smolina St., 24a, Ulan-Ude, 670002.
E-mail: Soela25@mail.ru.

Представлен теоретический анализ исследований классического спорта и национальных спортивных игр бурят в настоящее время с помощью социологической литературы. Описываются основные труды ученых в этой области. Прослеживается недостаточная изученность и отсутствие обобщающих работ по рассматриваемой проблематике с социологической точки зрения, делается вывод о необходимости дальнейшего изучения и осмысления этой темы.

Ключевые слова: спорт, национальные виды спорта, «бухэ барилдаан», физическая культура, социализация, социологический анализ, «эрын гурбан наадан».

This article presents theoretical analysis of studies of classical sports and national sport games of Buryat in the modern time with the help of sociological literature. The main research works of scientists in this sphere are described. Insufficient knowledge and lack of general works on the topic from a sociological point of view, especially works on the Buryat national sports games is mentioned. The author comes to the conclusion of necessity to continue study and consideration of this topic.

Keywords: sports, national sports, «national struggle», physical culture, socialization, sociological analysis, «three games husbands».

В современном обществе национальные спортивные игры получают все большее распространение. С древнейших времен они выступали основным досугом и зрелищным ме-

роприятием любого народа. Совершенствовались по мере хозяйственной деятельности человека и зависели от многих факторов: ландшафта, климата, природы и т.д.

Все виды национального спорта были направлены на развитие у молодежи физических и духовных качеств: физической силы, выносливости, ловкости, меткости, способности разума анализировать множество данных, на воспитание воли к достижению цели, на единение с природой, культурой других народов.

Процессы взаимного культурного общения оказывают большое влияние на характер самих игр как одного из важных средств духовного развития людей.

Нужно отметить, что у каждого народа были свои спортивные игры, состязания, мероприятия и в дальнейшем именовались как народные, или национальные игры.

Для более содержательного изучения источниковедческой проблемы национальных спортивных игр нами проанализирован термин «национальные виды спорта». В словаре А.Н. Блеера под национальными видами понимаются виды спорта, исторически сложившиеся в этнических группах населения, имеющие социально-культурную направленность и развивающиеся в пределах одного субъекта РФ или одной страны [1].

Теоретическое изучение роли и влияния национальных спортивных игр как социально-культурного развития на молодое поколение в Республике Бурятия находится на начальной стадии. Мало и научных разработок, чем и объясняется пока еще явно неполная решенность теоретических проблем по данной теме.

К исконным традиционным спортивным играм бурят относят: бухэ барилдаан – национальная борьба, һуур харбаан – стрельба из лука, шагай наадан – игры костями, һээр шалган – разбивание костей, мори урилдаан – конные скачки, шатар – шахматы и т.д.

Но на современном этапе развития общества в культуре бурят преобладают три вида спорта – национальная борьба, стрельба из лука и конные скачки – эрын гурбан наадан, отражающие в своем содержании кочевой образ жизни.

У степных народов (якутов, казахов, бурят) испокон веков существуют схожие виды спорта, такие как стрельба из лука, конные скачки и борьба, с незначительными измене-

ниями в правилах. Это явление не случайно, ведь «три игры мужей» олицетворяют дух множества, силы и ловкости, которые так необходимы были для трудовой, военной, хозяйственной деятельности.

Так, в работах Ю.А. Шахмадура борьба – совокупность нескольких видов спорта, объединенных одним общим критерием – единоборством двух спортсменов в захвате [2]. Принято различать международные и национальные виды борьбы. У каждого народа есть свой вид, например, гюлеш – азербайджанская национальная борьба, кох – армянская, чидаоба – грузинская, кошти – иранская, казахша-курес – казахская, куреш – киргизская, трынтэ – молдавская, гуштингери – таджикская, куряш – татарская, гюреш – турецкая, гореш – туркменская, кураш – узбекская, хапсагай – якутская, сумо – японская, и т.д.

В условиях средневековья, когда стала формироваться бурятская нация, физическое развитие являлось основным элементом жизнедеятельности человека. Физическая подготовка в тот период составляла один из важных элементов его выживания в суровых природно-климатических условиях.

Первоначальное знакомство с физическими упражнениями у детей осуществлялось через элементы игровой и трудовой деятельности. У бурятского народа принято с малолетства приучать мальчиков к мужскому труду, а девочек – к женскому.

В ходе формирования и развития бурятской культуры и этноса национальные виды спорта всегда присутствовали, они были необходимы в военном деле, в хозяйстве. Религиозные обряды также сопровождались национальными играми, танцами, борьбой, стрельбой из лука, устраивались скачки и бега рысаков.

Б.Д. Санданов отмечал, что состязания были связаны с культом гор (шаманское верование). Сначала на вершине горы «обо» совершались богослужения, затем все участники спускались с горы и начиналось пиршество и состязания. Обязательную часть праздника составляли три игры мужей: «бухэ барилдаан», стрельба из лука, конные скачки [3].

Санданов описывает особенности стрельбы из лука, акцентирует внимание на истории развития этого вида спорта в Республике Бурятия [4]. Г.Н. Манжуев подробно анализирует роль общекультурных и спортивных

праздников в консолидации бурятского народа. Он делает акцент на развитии бурят-монгольского троеборья «Наадан», пропагандирует национальные праздники «Сурхарбан» и «Алтаргана», обращает внимание на исторические моменты развития культурно-спортивных праздников монголоязычных народов [5].

Особый интерес в сфере развития национальной борьбы вызывают работы В.Д. Дашинороева, Д.В. Цыбикдоржиева [6, 7]. Первый подробно рассмотрел особенности национальной борьбы у народов России, СНГ, Азии, а второй изучил историю и этнографию национальной борьбы у монгольских народов.

М.Н. Хамгушкеев непосредственно оценивает роль национальных игр в учебно-воспитательном процессе [8]. Д. Амоголонова религиозную принадлежность считает одной из характеристик особенностей национального образа. Конкретно религия выступает в качестве целостного механизма национального возрождения и стержня национальной идеи. В ее работах подробно рассматриваются роль «трех игр мужей» не только с точки зрения оздоровления населения, но и как понимание сокровенного учения Будды к его срединному пути в Мадхьямике. В пропаганде национальных видов спорта бурят огромную роль занимает Буддийская традиционная сангха России [9]. Ни один религиозный молебен не обходится без проведения мероприятий с национальными видами спорта, в основном – это национальная борьба, стрельба из лука, конные скачки.

Г.Б. Бардамов рассматривает не только системные принципы управления физической культурой и спортом в вузах, но также глубоко исследует аспекты возрождения национальных игр и состязаний в рамках физкультурного образования [10]. Работы В.А. Фомина посвящены возрождению традиционных культур и традиций народов Бурятии в системе состязательной деятельности. Особый интерес представляют этнические характеристики индивидуального стиля спортсмена-борца. Этот автор занимается историческими проблемами развития национальных видов спорта бурят, а также изучает их на региональном уровне [11].

Проанализировав источниковедческие вопросы национальных спортивных игр с социологической точки зрения, мы полагаем, что следует отметить малоизученность данной темы. Безусловно, есть труды многих ученых об историческом этапе развития национальных видов спорта, о внедрении их в учебный процесс, значимости в консолидации бурятского народа и т.д., но сегодня эта проблема требует более глубокого осмысления.

Литература

1. Блеер А.Н., Суслов Ф.П., Тышлер Д.А. Терминология спорта: толковый словарь-справочник. М., 2010. 464 с.
2. Шахмадуров Ю.А. Вольная борьба: научно-методические основы многолетней подготовки борцов. М., 1997.
3. Санданов Б.Д. Эрын гурбан наадан. Улан-Удэ, 1993. 160 с.
4. Санданов Б.Д. Стрелы летят в цель. Улан-Удэ, 1989. 120 с.
5. Манжуев Г.Н. История и современность культурно-спортивных праздников монголоязычных народов (на примере Бурятии) / науч. ред. Г.Ц. Молонов. Улан-Удэ, 2008. 152 с.
6. Дашинороев В.Д. Особенности национальной борьбы у народов России, СНГ, Азии и их влияние на современную методику тренировки борцов вольного стиля. СПб., 2000. 42 с.
7. Цыбикдоржиев Д.В. История и этнография о национальной борьбе монгольских народов. Улан-Удэ, 2000. С. 9.
8. Хамгушкеев Н.М. Национальные игры в учебно-воспитательном процессе. Усть-Ордынский, 1998.
9. Амоголонова Д.Б. Религия в конструировании современной бурятской национальной идеи // Власть. Улан-Удэ, 2008. 108 с.
10. Бардамов Г.Б. Вольная борьба: развитие и стратегия совершенствования тактико-технического мастерства // Теория и методика обучения в вузе. Улан-Удэ, 2002. 248 с.
11. Фомин В.А. Возрождение народных традиций // Материалы регион, науч.-практ. конф.: исторические, педагогические и медико-биологические аспекты физической культуры и спорта. Чита, 1999. С. 26 – 28.

УДК 338.43

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

© 2014 г. И.М. Зейналов

*Зейналов Иса Мусаевич –
кандидат политических наук, профессор,
кафедра общего права
и международной политики,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет,
Петербургское шоссе, 2, г. Пушкин, 196601.
E-mail: sadovaya14@gmail.com.*

*Zeynalov Isa Musayevich –
Candidate of Political Science, Professor,
Department of the Common Law
and International Policy,
Saint-Petersburg State
Agrarian University,
Petersburg Highway, 2, Pushkin, 196601.
E-mail: sadovaya14@gmail.com.*

Анализируются особенности реформационных подходов либерального и консервативного типа к аграрной сфере России. Исследуются механизмы выработки и реализации основных социально-экономических доктрин развития аграрного сектора национальной экономики, рассматриваются концептуальные основания в деле формирования аграрной политики как неотъемлемой части экономической и социальной политики государства.

Ключевые слова: *аграрная политика, землевладение, реформы, модернизация.*

The features of reformation approaches of liberal and conservative types to Russian agrarian sector are analyzed; mechanisms of development and implementation of major socio-economic doctrines of the agricultural sector of the national economy are studied, conceptual foundation in shaping agricultural policy as an integral part of economic and social policy of the State are considered.

Keywords: *agrarian policy, land property, reforms, modernization.*

Аграрная политика представляет собой органичную часть системы государственно-управленческих отношений. Сельскохозяйственная отрасль занимает одно из ведущих мест в структуре отечественной экономики; от уровня ее развития зависит социальное благополучие российского общества, до трети населения которого проживает в сельской местности.

Государство вырабатывает и реализует важнейшие социально-экономические доктрины развития аграрной сферы, создает концептуальные основы формирования аграрной политики как неотъемлемой части общей экономической и социальной политики государства.

Внимание к проблемам модернизации аграрной сферы в России, роли государства в этих процессах росло в течение всего XX в.

В этот исторический срок России удалось выдвинуть фундаментальные теоретические положения, осуществить модернизационные

проекты на селе и в аграрном производстве, а именно проект П. Столыпина, затем – советскую колхозно-совхозную систему, наконец – проекты либерально-рыночного толка, прошедшие на окончание века.

Переход современной России к рыночной экономике осуществляется в условиях глобализации, политических рисков внутреннего и международного характера. Реформы последних десятилетий привели к заметному и весьма существенному снижению места и роли сельского хозяйства в национальной экономике, усилили зависимость России от импорта продуктов питания.

Следует признать, что преобразование политико-экономической системы страны осуществлялось не за счет, как можно было предполагать, реструктуризации и перехода к новым механизмам хозяйствования, а за счет либерализации цен, ускоренной приватизации и передела собственности, связанного с ограничением государственного регулирования.

Очевидные просчеты в государственной аграрной политике в ходе первого этапа рыночных реформ привели к кризисному состоянию сельскохозяйственной отрасли, фактическому разрушению многих крупных предприятий агропромышленного комплекса (АПК), социальной инфраструктуры сельских поселений.

Не оправдались надежды на быстрое развитие фермерских хозяйств, брошенных государством на произвол судьбы.

Проблема, на наш взгляд, упирается в феномен государственного регулирования аграрного сектора, в уровень государственной помощи селу, государственного протекционизма, не получивших какого-либо оптимистического разрешения.

В российской истории всегда присутствовало государственное регулирование экономики; осмысливалась и поддерживалась теория институциональных матриц, отмечающая воспроизводство исторически развивающихся форм конкретных социальных отношений, определенных институтов, характерных для каждого конкретного общества. Действительно в российском обществе постоянно воспроизводятся институты унитарно-централизованного политического устройства и государственного вмешательства в экономическое развитие.

Нетрудно увидеть, что значение государственных институтов в реформировании аграрной сферы не уменьшается, а речь идет скорее о тех или иных формах государственного участия. В этот ряд можно поставить так называемое индикативное планирование или, напротив, выдачу директив из центра.

Все это, вместе взятое, заставляет исследователя вновь и вновь возвращаться к проблеме роли государства и его поддержки в попытках осуществления аграрных реформ. Тем более, что значение государственных институтов в реформировании аграрной сферы не уменьшается, а, напротив, усиливается.

В 1970 – 1980-е гг. подошла к логическому завершению эволюция аграрной системы в СССР, характерной чертой которой было активное участие государства, партийно-хозяйственных структур в регулировании аграрной экономики и всех сфер жизни села. Мобилизационный характер советской экономики определил ее экстенсивную направленность.

Практически с начала XX в. аграрный сектор и сельское население постоянно исполь-

зовались в качестве ресурсного «донора» для других отраслей народного хозяйства. К 1991 г. в АПК сложилась противоречивая система из различных форм собственности, стадий развития сельского хозяйства. Нарастающий кризис в сельском хозяйстве пытались остановить еще в советское время, разрабатывая крупномасштабные программы, например, принятую в 1982 г. Продовольственную программу, которая носила по сути технико-технологический характер.

Конец 1980 – начало 1990-х гг. запомнились становлением политических процедур решений основных государственных проблем. Институциональные изменения в сельском хозяйстве из технико-технологической проблемы формирования эффективных структур хозяйствования превращались на практике в арену жесткой политической борьбы, затягивавшей решение проблем аграрного сектора, несмотря на оперативность многих, принятых нормативно-правовых актов. Большинство изменений осуществлялось не вполне легитимными способами, что вело к разрушению всей структуры хозяйствования [1].

Формирование новой аграрной политики в ходе либеральных экономических реформ и модернизации базировалось на решении основных вопросов, ответы на которые определяли тот или иной вариант общей стратегии преобразований: о форме земельной собственности (частная собственность / государственная собственность, коллективные формы собственности), рынке земли («земля – такой же товар, как и все другие» / «землей торговать нельзя»), формах и размерах сельскохозяйственных предприятий, роли государства в регулировании аграрного сектора (свободный рынок, принцип невмешательства государства в экономику / государственное регулирование и бюджетная поддержка), темпах рыночных реформ.

Новая аграрная политика формировалась в ходе социально-экономических реформ 1990-х гг. как составная часть системы государственно-управленческих отношений.

Ключевым звеном проекта рыночных преобразований стал вопрос о земле. Предполагалось, что введение частной собственности и других правовых условий для выхода крестьян из колхозов и совхозов автоматически приведет к преодолению «иждивенческих настроений», сложившихся в результате десятилетий «подневольного труда», пробудит в

крестьянине чувство «хозяина» и интерес к свободному предпринимательству.

В основе сценария институциональной трансформации земельных отношений лежало противопоставление государственной и частной собственности на землю и признание последней базисной для новой аграрной системы. В силу ограничений рыночного оборота (купли-продажи) земли, формирования новых форм коллективной собственности складывается институциональная модель, тяготеющая к смешанной экономике. Однако большинство акционерных обществ в аграрной сфере только условно можно считать состоявшимися. Их капитал не работает в качестве акционерного, не обращается как акционерный и не приносит доходов жителям села.

Исследователи, как правило, выделяют две главные, противостоящие друг другу позиции – «либеральную» и «консервативную», каждая из которых в свою очередь существует в «радикальном» и «умеренном» вариантах. В основе «либеральной» позиции лежит представление, что универсальным двигателем аграрного прогресса является свободный предпринимательский труд на земле при гарантированном праве частной собственности и в условиях свободы хозяйственной деятельности.

В соответствии с этим тезисом либералы считали основной причиной аграрного кризиса конца 1980-х гг. засилье колхозно-совхозного строя (общинного землепользования) и административно-командных методов управления сельским хозяйством (зависимое положение крестьян), прямым следствием которых стали «отчуждение крестьянина от земли», «хищническое отношение к земельным ресурсам», «апатия и безразличие к результатам своего труда» и т.д.

Естественным и безальтернативным путем спасения представлялись радикальные либеральные реформы, т.е. единовременное введение всех элементов рыночной экономики, в том числе частной собственности на землю с правом ее купли-продажи [2]. Важнейшим итогом реорганизации отношений собственности на землю оказалось формирование многоукладной экономики.

Основными нормативными актами стали: Указ Президента РФ от 27.12.1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»; Постановление

Правительства РФ от 28.12.1991 г. № 81 «О реформировании системы государственного управления агропромышленным комплексом Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 29.12.1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов».

Приход к власти реформаторов, стоявших на радикально-либеральных позициях в вопросах экономики, в том числе в аграрной сфере, сопровождался реализацией рекомендаций, находившихся в явном противоречии с общепринятыми теориями и реальной политикой развитых стран.

Установка на мелкое или среднее землевание, которое должно было стать основным производителем товарной сельскохозяйственной продукции, себя не оправдала.

Первоначально предполагалось раздать землю крестьянам. При этом считалось, что возникшие на этой основе 4 млн крестьянских хозяйств прокормят Россию. Потом утвердилась идея создания товарных фермерских хозяйств как костяка аграрной структуры страны.

В данном направлении была осуществлена приватизация закупочных и торговых систем, предприятий пищевой промышленности. Это крайне отрицательно сказалось на экономической инфраструктуре и поставило сельскохозяйственные предприятия в негативную по своим последствиям зависимость от поставщиков и закупщиков.

Сломать в одночасье старые крупные коллективные хозяйства и вместо них построить мелкие фермерские оказалось просто невозможно. Расчеты показали, что эта операция потребовала бы фантастических затрат, непосильных для обнищавшей к тому времени российской экономики [3].

Относительно консервативной позиции следует сказать, что ко времени распада СССР уже трудно было найти экономистов, отрицающих необходимость реформы, имеющей конечной целью переход к рыночным отношениям. Утвердилось представление о порочности административно-командных методов управления, универсальный характер приобрела формулировка причин аграрного кризиса, а именно, «отчуждение человека от земли и других средств производства» вследствие «понукания», «неэффективности системы управления».

Целью аграрной реформы должно было стать, по мысли сторонников консерватизма,

совершенствование колхозно-совхозного строя и постепенное развитие различных форм собственности, предоставление коллективным хозяйствам большей самостоятельности, развитие арендных отношений.

«Консерваторы» утверждали, что право распоряжаться результатами своего труда гораздо важнее права собственности на землю и другие средства производства.

Фактически отстраненная от принятия политических решений, «консервативная» группировка тем не менее активно отстаивала свою позицию в парламенте и СМИ, подвергая критике стратегию реформ, принятую правительством [2].

Анализ развития сегментов аграрной экономики обнаруживает некоторые парадоксальные стороны проводимой аграрной реформы. Вопреки представлениям реформаторов ведущими секторами сельскохозяйственного производства оказались не фермерские хозяйства и не акционированные коллективные хозяйства, а личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельских жителей (мелкотоварное производство).

Не имея никаких средств механизации (отчасти в силу неразвитости рынка малогабаритной техники, приспособленной для использования в приусадебных хозяйствах, но в большей степени из-за отсутствия средств у сельского населения для их приобретения), владельцы ЛПХ смогли заметно нарастить объемы производства и товарности этой категории хозяйств исключительно за счет увеличения затрат собственного труда. Можно отметить также незначительную эффективность «капитализации» аграрной экономики.

Вместо неэффективного государственного сектора экономики после реформирования субъекты политики получили неэффективный частный сектор; резко увеличилось как число убыточных хозяйств, так и их удельный вес.

Кроме того, реформы практически разрушили прежнюю трудовую мотивацию, в силу чего усилился дисбаланс между растущей ориентацией работников на заработок и снижающимися возможностями сельскохозяйственных предприятий для материального стимулирования, резко сократились возможности последних решать социальные проблемы работников.

Социальным итогом проведенных преобразований в аграрном секторе стала деградация социальной сферы села.

Заметим, что трудности современного российского общества – это трудности его самоопределения в глобальном мире.

В ходе болезненной модернизации и нарастающей открытости России усиливается воздействие на нее разнородных явлений сегодняшнего дня, что неизбежно сказывается на уровне защищенности жизненно важных интересов.

Выявление средствами политологического анализа основных направлений, проблем и механизмов реализации государственной аграрной политики в системе обеспечения национальной безопасности и решении задач продовольственной независимости России показывает, что членство в ВТО может обернуться точкой отсчета, с которой начнется реальная перестройка аграрного сектора экономики, если, конечно, ориентироваться на необходимость встраивания в глобальную экономику и использовать это встраивание для повышения эффективности. Но для этого необходимо наличие политической воли.

Наше современное сельское хозяйство не защищено от внешней конкуренции ничем, кроме обменного курса рубля и транспортных издержек. Существующая система является неэффективным средством социальной поддержки крестьян и не дает стимулов к развитию.

Необходима земельная реформа, развитие кредитования и страхования в сельском хозяйстве. Бюджетные средства следует вкладывать в развитие инфраструктуры, а не на текущую поддержку хозяйств. Государство должно выработать комплекс мер по защите отечественной экономики в условиях мировой конкуренции.

Потребуется немалое время для внесения изменений в систему законодательства, систему контроля качества и тарификации.

Необходима, наконец, организация реальной борьбы с коррупцией во властных и бизнес-структурах, снижение бюрократических издержек российского бизнеса.

Оценивая аграрный курс современной России в целом, аналитики приходят к выводу, что радикальная либерализация экономики в 1991 – 1992 гг. и неоправданно быстрый уход из нее государства, демонтаж, а не конструктивная замена старой управленческой, финансовой, кредитной, ценовой, налоговой и других систем привели к обострению старых и

появлению новых проблем в АПК. Радикальной реформе сопутствовало двукратное сокращение производства и реальных доходов населения. В результате возник глубокий спад цен на сельскохозяйственную продукцию и продукцию промышленности для села.

К 1994 г. аграрная реформа в части организационных преобразований сельскохозяйственных предприятий в основном завершилась и было зафиксировано становление многоукладной экономики.

После реализации указанных нормативно-правовых актов изменилась организационно-правовая структура сельскохозяйственного производства. Сложившиеся три основные формы хозяйствования – сельскохозяйственные организации (предприятия), крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения.

Данные формы представляют собой по существу социально-экономические уклады, отражающие сложившуюся социально-экономическую структуру отечественного аграрного сектора.

Традиционная для России «кампанейщина» привела к тому, что в условиях борьбы за власть и противостояния законодательной и исполнительной ветвей власти, без достаточной подготовки происходило перераспределение земли.

Проблемы новых хозяйств заключались также в том, что организационно-экономический механизм в этих хозяйствах лишь формально строился на демократических, либерально-рыночных началах. Фактически работники в них оказались отчужденными от дел хозяйства даже в большей степени, чем прежде. Ситуация порождала множество конфликтов, неудовлетворенность интересов различных людей и социальных групп. В этих условиях осуществлялась не столько реорганизация, сколько развал колхозов и совхозов, следствием чего было снижение аграрного производства, утрата национальной продовольственной безопасности.

Несколько конкретных примеров.

Самый убедительный показатель нашего аграрного технологического уровня – средняя урожайность зерновых. Последнее десятилетие она составляет около 19 ц/га. Даже среднемировая урожайность в полтора раза выше наших рекордных 32 ц/га, а в развитых сельхозстранах давно перейден рубеж в 70 – 80 ц и больше.

В результате экстенсивного ведения хозяйства земледелие в стране не только низкоэффективно и дает низкокачественную продукцию, но и ведет к истощению природных ресурсов.

Отечественные производители не могут обеспечить продовольственную независимость страны. Доля отечественной продукции в общем объеме потребления составляет: по мясу – 60 %, по молочным продуктам – менее 80, по сахару – 58, по овощам – 84, по фруктам – 40 %.

Труднее всего в России обстоит дело с производством мяса. Доля крупных компаний, производящих красное мясо, свинину и говядину, в России невелика. Основное производство приходится на личные подсобные хозяйства, где зачастую нет достаточных условий для подготовки туши к дальнейшей переработке. Это одна из причин, почему мясоперерабатывающие заводы предпочитают покупать импортное мясо, лучше подготовленное для производства. Россия является крупнейшим в мире импортером говядины.

В настоящее время более 40 % потребляемой в стране продукции – иностранного производства, объем импорта, например, в 2008 г. превысил 1 млн т. При этом численность отечественного поголовья продолжает сокращаться.

Причины низкой конкурентоспособности российского сельского хозяйства лежат на поверхности. Во-первых, это слаборазвитая инфраструктура сельхозпродукции. Доля инфраструктурных издержек в цене российской сельхозпродукции значительно превосходит аналогичный показатель развитых в аграрном отношении стран. Так, в производстве зерна он достигает 50 % с дифференциацией по регионам при среднемировом уровне подобных затрат около 20 %. Ситуацию усложняет недоступность рынков сбыта для средних и мелких сельхозпроизводителей.

Во-вторых, в результате неэффективного регулирования рынков со стороны государства – из-за низких внутренних цен на зерно по сравнению с основными зернопроизводящими странами – отечественные сельхозпроизводители ежегодно недополучают в среднем 150 – 200 млрд р.

В-третьих, применение устаревших технологий в сельхозпроизводстве приводит к деградации сельхозугодий и высокой себестои-

мости продукции. Ситуацию усугубляет информационный вакуум в АПК – отсутствие системного информирования сельхозтоваропроизводителей об успешном опыте применения современных технологий, о новых достижениях науки и техники в сельском хозяйстве [4, с. 3 – 5].

В подобных условиях речь идет о том, как минимизировать риски и обеспечить продовольственную безопасность страны. Сразу же после вступления России в ВТО российские аграрии забили тревогу и первым делом попросили правительство списать долг и компенсировать некоторые затраты, всего – на 400 млрд р.

В феврале 2012 г. председатель РСПП А. Шохин направил первому вице-премьеру И. Шувалову письмо с просьбой оказать поддержку предприятиям агропромышленного комплекса, в которой они стали нуждаться из-за вступления России в ВТО. Все достижения аграрного сектора 2011 г. – 93,9 млн т зерна, 46,3 млн т – сахарной свеклы, 1,54 млн т – рапса, 75 млн т – сои и 9,6 млн т – подсолнечника – в основном получились, отмечает А. Шохин, благодаря господдержке (125 млрд р.), но рентабельность бизнеса так и не выросла: если в 2009 г. она составила 9,4 %, то в 2010 г. упала до 8,3 %. Без субсидий рентабельность – минус 5,4 %.

Все дело заключается в высоких издержках и низких закупочных ценах, старых агротехнологиях и низкой платежеспособности населения. Сельхозпредприятия с большой ссудной задолженностью не могут конкурировать с зарубежными партнерами и придать агропромышленному комплексу модернизационный толчок [5].

В заключение несколько итоговых выводов.

Несмотря на неоднозначные оценки и последствия проведенных реформ, в постсоветской России они принесли и положительные результаты, в частности обеспечили:

- становление новых форм хозяйствования и многоукладной аграрной экономики, зарождение конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке;

- расширение экономической самостоятельности хозяйствующих субъектов АПК;

- расширение социальных свобод;

- зарождение рынка земли;

- формирование класса собственников в деревне;

- зарождение рыночного сознания;

- повышение социальной активности населения [6].

С 2005 г. в стране запущен национальный проект по развитию АПК стоимостью 1,5 млрд дол., нацеленный на развитие инвестиционного процесса.

Аграрный сектор российской экономики демонстрирует за последние годы хорошие темпы роста. Практически все развитые страны в той или иной форме поддерживают, субсидируют своих сельскохозяйственных производителей, и Россия не стала исключением.

Причин здесь две. Во-первых, в условиях неопределенности мирового рынка, значительных колебаний цен на продовольствие, аграрная безопасность означает способность страны самостоятельно себя прокормить. Это важное условие экономической и социальной стабильности.

Во-вторых, аграрный сектор России выступает важным элементом сохранения в экономике конкурентной среды, формирования малого и среднего бизнеса.

Однако в целом аграрный курс современной России в общей стратегии национальной безопасности вызывает беспокойство, поскольку в основных программных документах экономической политики России до последнего времени не было даже упоминания о проблемах АПК как основного жизнеобеспечивающего сектора экономики страны.

Власть решает фундаментальные вопросы российского будущего путем запоздалого реагирования на разрывы и аварии системы, а надо изменять принципы и механизмы формирования аграрной политики.

Здесь как нельзя кстати предстает анализ особенностей реформационных подходов как либерального, так и консервативного толка применительно к положению дел как в постсоветской, так и в современной России.

Литература

1. Дудник А.В. Экономическая политика аграрного протекционизма в современной России: концептуальные основы, пути повышения эффективности // Проблемы современной экономики. 2011. № 3 (39).

2. Курчик О. Дискуссии по аграрному вопросу в постсоветской России // Отечественные записки. 2004. № 1.

3. Назаренко В. Аграрная политика и сельское хозяйство России // Политическое образование. 2009. URL: <http://www.lawinrussia.ru> (дата обращения: 28.05.2014).

4. Орлова Л. У России до сих пор нет четкой аграрной политики // Аграрное обозрение. 2012. № 1 (29).

5. Давайте списывать // Ведомости. 2012. 17 февр.

6. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. 2-е изд. Новосибирск, 2001. URL: <http://nesch.ieie/nsc.ru> (дата обращения: 28.05.2014).

Поступила в редакцию

2 июня 2014 г.

УДК 323.1

НАЦИОНАЛИЗМ В СТРАНАХ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

© 2014 г. Д.И. Узнародов

*Узнародов Дмитрий Игоревич –
аспирант,
кафедра теоретической
и прикладной политологии,
факультет социологии и политологии,
Южный федеральный университет,
пр. М. Нагибина, 13, г. Ростов-на-Дону, 344038.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru.*

*Uznarodov Dmitriy Igorevich –
Post-Graduate,
Department of Theoretical
and Applied Political Science,
Department of Sociology and Political Science,
Southern Federal University,
M. Nagibina Ave., 13, Rostov-on-Don, 344038.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru.*

Рассматривается специфика современных националистических движений в государствах Европы, а также их влияние на национальную идентичность. Приводятся примеры таких государств, как Польша, Румыния, Словакия, Болгария, Украина, Испания, Италия, Франция, Бельгия и Великобритания. На основе компаративного метода выявляются отличия между ключевыми националистическими силами этих государств, а также тем влиянием, которое может оказывать политический дискурс различных националистических партий и движений на национальную идентичность.

Ключевые слова: национализм, национальная идентичность, государство, нация, политическая партия.

This article considers the specifics of the modern nationalist movements in Europe, and their impact on national identity. The author gives examples of such states as Poland, Romania, Slovakia, Bulgaria, Ukraine, Spain, Italy, France, Belgium and the UK. Based on the comparative method, differences between the nationalist forces of these states, as well as the impact that may have political discourse of various nationalist parties and movements on national identity are revealed.

Keywords: nationalism, national identity, state, nation, political party.

В настоящее время национализм как идеология и система политико-мировоззренческих принципов занимает все более центральное место в дискурсе политического процесса государств европейского континента. Это вызвано актуализацией ряда проблем, в частности таких как нелегальная иммиграция, рост сепаратистских настроений, обострение межэтнических

отношений в целом. В свою очередь неразрешенность их негативно сказывается на состоянии национальной идентичности в некоторых государствах, что обуславливает повышение степени влияния политических сил, отстаивающих принципы национализма. В данной статье на основе компаративного метода нами будут рассмотрены ключевые особенности современ-

ного националистического движения и его влияние на национальную идентичность в государствах Восточной и Западной Европы.

Так, в современной Польше националистическое движение не является однородным и включает два направления. Первое на политической арене представлено партией «Право и справедливость», возглавляемой экс-премьер-министром Польши Я. Качиньским. Этот вид польского национализма возник на основе трансформации полуклерикального национализма Л. Валенсы, играя в 90-е гг. XX в. роль одной из ключевых сил антикоммунистического движения. Партия активно отстаивает такие принципы, как защита государства и традиционных ценностей от культурной угрозы, построение Четвертой Речи Посполитой и проведение жесткого курса во внешней политике; характерной чертой дискурса партии является также антироссийская риторика [1, 2]. Необходимо отметить, что использование фактора внешней угрозы в идеологии «Права и справедливости» может оказывать влияние на польскую национальную идентичность, выступая в качестве ресурса для ее мобилизации.

Второе направление современного польского национализма представляет партия «Лига польских семей». Как и предыдущая партия, она видит защиту национальной идентичности в поддержке традиционных ценностей и проведении политики, направленной на сохранение национальной культуры. Отличия заключаются во взглядах партий на некоторые аспекты внешней политики. «Лига польских семей» наибольшую опасность для суверенитета государства видит в западном соседе – Германии, что, по ее мнению, предопределено и географически, и исторически. Способом противостояния этой потенциальной немецкой угрозе может быть союз с Россией [3, с. 70]. Во многом это объясняется тем, что идейные истоки «Лиги польских семей» уходят своими корнями в мировоззрение и взгляды видного польского политика межвоенного периода, лидера партии «Национальная демократия» Р. Дмовского, который видел опасность в гитлеровском режиме и выступал за сотрудничество с Россией [3, с. 70].

В Румынии наиболее влиятельной националистической силой является партия «Великая Румыния». Центральное место в ее политическом дискурсе занимает политика ирредентизма, что выражается в регулярных при-

зывах о необходимости присоединения к Румынии политико-дипломатическим путем бывшей Бессарабии (Республика Молдова и Одесская область Украины), а также Северной Буковины (6 районов Черновицкой области Украины [3, с. 88], где молдавский и румынский этносы в совокупности составляют порядка 20 % от общего числа населения. Еще 17 апреля 2008 г. президент Румынии Т. Бэеску заявил, что «Украина должна вернуть Молдавии Южную Бессарабию и Северную Буковину, если хочет забрать себе Приднестровье». По его мнению, в Киеве «есть претензии по поводу возврата Приднестровья Украине», но при этом там «забывают о возврате Кишиневу Южной Бессарабии и Северной Буковины – территорий, которые бывшая Украинская ССР получила после Второй мировой войны» [4]. В ноябре 2007 г. Бэеску во время встречи со студентами университета «Нижний Дунай» в городе Галац заявил, что «... румыны с обоих берегов Прута (т.е. собственно румыны и молдаване) не будут долгое время разделены и объединятся в рамках ЕС» [4]. «После того, как Молдавия войдет в ЕС, останется только нарисованная граница, а Риббентроп и Молотов встанут из могил от негодования, что намеченной ими границы уже не существует», – заключил глава государства [4].

Рассматривая особенности современного националистического движения в Словакии, следует отметить, что наиболее влиятельной на данном идеологическом направлении является «Словацкая национальная партия» (СНП). Она возникла в период «бархатной революции» в Чехословакии и изначально выступала за создание суверенного словацкого национального государства. Партия позиционирует себя как старейшую политическую силу в стране, являясь наследницей «Словацкой национальной партии», существовавшей в период 1871 – 1938 гг. и отстаивавшей идеи суверенитета Словакии и сохранения национальной идентичности в различные исторические периоды: начиная от идеи практического воплощения, т.е. создания независимого государства словаков, образования первой Чехословацкой Республики в 1918 г., во время борьбы за автономию Словакии в 1932 – 1938 гг., когда Словакия фактически была подконтрольна гитлеровской Германии [3, с. 141].

В настоящее время партия акцентирует внимание на методах борьбы с угрозами потери

словацкой национальной идентичности, в основе которых лежат процессы глобализации. Для противодействия ценностям глобализации партия предлагает повышать культурный и образовательный уровень народа, отдавая решающую роль в организации этой политики государству и его институтам. Однако в отличие от многих националистических партий Европы СНП не выступает против такой структуры, как Европейский Союз, поддерживая политику дальнейшего расширения этой организации на восток, но при сохранении суверенитета национальных государств в ней. В своих программных установках партия ратует за ликвидацию региональной раздробленности, ослабляющей государство и мешающей интеграции словацкого народа, и видит решение этой проблемы в объединении внутренних и внешних ресурсов ЕС, которое может придать новый характер экономическому, социальному и культурному развитию [3, с. 143].

СНП, как и партия «Великая Румыния», в своем политическом дискурсе использует ресурс для мобилизации национальной идентичности в виде антивенгерской риторики, нередко критикует правительство за излишне, по ее мнению, мадярофильскую политику: «СНП обращает внимание на то, что при посредничестве своей партии и заместителя председателя правительства по правам человека и национальным меньшинствам П. Чаки представители Партии венгерской коалиции, этнические мадяры, заняли все места в отделе национальных культур Министерства культуры Республики Словакия и в отделе национальных школ Министерства образования. Таким образом, в Словакии на протяжении восьми лет осуществлялась политика дискриминации потребностей остальных национальных меньшинств, проживающих на ее территории» [5].

Достаточно любопытна специфика национализма в современной Болгарии. Ключевое место в политическом спектре болгарского национализма занимает партия «Атака». Эта политическая сила появилась сравнительно недавно – в 2005 г., однако сразу получила широкую поддержку болгарских граждан. Причины быстрого роста популярности «Атаки» заключаются в недовольстве многих граждан правящей коалицией, частью которой является партия болгарских турок «Движение за права и свободы» (ДПС). Многие болгары недовольны тем, что ДПС способствовала вы-

ведению некоторых районов страны из сферы публичной демократии, гражданского контроля, получая тем самым этнокорпоративный политический контроль над большими секторами болгарской территории [6].

Следует отметить, что действительно в этих тенденциях есть определенная угроза. Данный «тренд» может способствовать активному процессу трансформации этнической идентичности болгарских турок в идентичность национальную. Вероятность успешного осуществления подобной трансформации будет высокой в том случае, если контроль ДПС за некоторыми районами Болгарии станет еще более значительным. Свидетельством роста влияния данной партии является акция, которая была проведена 19 февраля 2006 г. Ее участники потребовали создания автономии турецкого меньшинства, а также признания турецкого языка в качестве второго официального [7].

Необходимо подчеркнуть, что достаточно активная поддержка избирателями партии «Атака» (она регулярно проходит в парламент) вызвана протестными настроениями жителей Болгарии и значительным антирейтингом правящей коалиции [8]. Источник антирейтинга заключается в опасениях многих болгар относительно нарастающего влияния в стране партии ДПС, которое содержит угрозу для болгарской национальной идентичности. В свою очередь партия «Атака» регулярно поднимает данные проблемы, и в глазах многих избирателей выступает своего рода защитницей болгарской национальной идентичности, при этом очень умело используя антитурецкую риторику, что также имеет большое значение для болгарских граждан.

Отдельно следует рассмотреть характер современных националистических движений такой страны Восточной Европы, как Украина, так как здесь национализм обладает особой, уникальной спецификой, не свойственной остальным государствам этого региона. Причина его уникальности – прежде всего в исторических особенностях развития национализма на Украине. Изначально он развивался в крайне радикальных формах, фактически представляя собой в идеологическом плане не национализм, а национал-социализм образца 30-х гг. XX в. Подтверждает это деятельность такой политической организации, как УНА-УНСО (Украинская национальная ассамблея – Украинская национальная самооборона), которая позиционирует себя наследниками

тех сил, которые в период Второй мировой войны вели борьбу с советской властью, выступая на стороне гитлеровской армии. Исследователь В.Р. Секачев отмечает, что «...своей целью УНСО объявляет повсеместную борьбу с русским империализмом – от Прибалтики до Дальнего Востока (“Зеленого Клина”) – и создание Украинской империи» [9].

Украинский национализм не ограничивается только лишь радикальной организацией УНА-УНСО, существует и более «цивилизованный» вариант политического выражения по сути тех же взглядов, а именно партия «Свобода». К ее программным установкам относится построение украинской нации, обладающей лишь этническим измерением, необходимость проведения антироссийской и антирусской политики, антикоммунизм, борьба с антиукраинской деятельностью [10]. Именно негативная «уникальность» украинского национализма способствовала исключению партии «Свобода» из Альянса европейских национальных движений, прежде всего потому, что ее деятельность выходит за рамки стандартов, которыми руководствуются националистические партии в других европейских странах.

Но современный украинский национализм не может оказать положительное влияние на национальную идентичность в стране. Главная причина в том, что его идеи на Украине разделяют только в западных регионах, на востоке же, наоборот, такие идеи не принимаются вне зависимости от принадлежности к этнической группе. Кроме того, украинский национализм исторически развивался на противопоставлении России и дискурсе, основанном на негативе (антирусская, антипольская, антиеврейская риторика), что также не может оказать положительного влияния на национальную идентичность и решить проблему «идентичностного раскола» в стране.

В государствах Западной Европы специфика националистических партий и особенностей их влияния на процессы, связанные с национальной идентичностью, несколько отличается от примеров восточно-европейских государств. Это обусловлено разным характером проблем, с которыми сталкивается национальная идентичность в восточно-европейских и западно-европейских странах.

В Испании большинство современных националистических партий позиционируют себя «наследниками» Испанской фаланги,

единственной легальной политической партии, существовавшей в Испании во времена правления Ф. Франко. Национализм фаланги 30-х гг. XX в. носил больше гражданско-патриотическое, а не этническое измерение. Партия выступала против политической автономии ряда субъектов страны, в частности Басконии и Каталонии, однако предоставляла достаточно свобод в плане культурной автономии. Переломным моментом для национализма в Испании стал 1975 г., когда после смерти Франко и начала демократических процессов в стране партия распалась. С тех пор националистическое движение в Испании находится в довольно сильном кризисе, так как после 1975 г. появилось множество организаций и партий, которые именуют себя «истинными» последователями Франко, однако все они находятся в разногласии друг с другом и периодически ведут «междоусобные» войны, что не позволяет создать монолитную, боеспособную националистическую партию. На сегодняшний день к партиям, именующим себя преемниками «Фаланги», относятся «Испанская Фаланга и ХОНС (Хунта национал-синдикалистского наступления)», «Подлинная Фаланга» и «Испанская Фаланга». Названия уже сами по себе свидетельствуют о сильных внутренних противоречиях внутри националистического движения Испании.

«Испанская Фаланга и ХОНС» провозгласили себя единственными законными «наследниками» одноименной партии, созданной Антонио Примо де Риверой в 1933 г. и объединившейся с организацией ХОНС годом позже. Ключевую роль в ее политическом дискурсе играет антиавтономистская риторика. Партия выступает решительно против нынешнего административно-территориального деления страны, считая, что семнадцать «мини-государств» лишь увеличивают бюрократию и способствуют сепаратистским настроениям. «Испанская Фаланга и ХОНС» видит угрозу испанской культуре в виде ценностей глобализации и миграционных процессов.

В настоящее время именно административно-территориальное деление и внешняя миграция являются основными факторами, влияющими на характер национальной идентичности в стране. Нарастание арабского сегмента в структуре населения способствует размыванию общеиспанской идентичности, а сепаратизм и автономизм на окраинах играют

роль для ускоренной трансформации региональной, этнической идентичности в национальную. Националисты в виде «Испанской Фаланги и ХОНС» поднимают проблемы, связанные с существующей угрозой потери испанской национальной идентичности, а также предлагают свои варианты их решения, поэтому в перспективе при возрастании влияния партии в стране и взятии властями «на вооружение» программных тезисов «Фаланги и ХОНС» будет возможно повлиять на ситуацию с постоянно меняющимся характером национальной идентичности [11].

Остальные «фалангистские» партии современной Испании: «Испанская Фаланга» и «Подлинная Фаланга» – отстаивают по сути те же принципы, что и «Испанская Фаланга и ХОНС», выступая за унитаризацию территориального устройства, активное противодействие внешней миграции и ценностям глобализации. Эти две партии появились вследствие расколов и внутрипартийных конфликтов: «Испанская Фаланга» была создана в 1999 г. после отделения от «Испанской Фаланги и ХОНС», а «Подлинная Фаланга» образовалась после выхода из «Испанской Фаланги».

В Италии, как и в Испании, националистическое движение раздробленно и немонолитно. Наиболее крупными националистическими партиями являются «Будущее и свобода для Италии» и «Правые». Обе они образовались вследствие раскола «Национального альянса», существовавшего с 1995 по 2009 г. Он был действительно крупной партией, возникшей после преобразования «Итальянского социального движения», истоки которого восходят еще к временам правления Муссолини. Но «Национальный альянс» полностью отошел от тех идеологических позиций, на которых находилось «Итальянское социальное движение», став умеренной, национал-консервативной партией. В 2009 г. он объявил о самороспуске и стал частью партии Сильвио Берлускони «Народ Свободы», которая также распалась, но в 2013 г.

Партия «Будущее и свобода для Италии» возникла в 2011 г. после конфликта эксклюзивера «Национального альянса» Дж. Фини и лидера «Народа Свободы» С. Берлускони. «Будущее и свобода» уделяет большое внимание сохранению национального единства страны и выражает настороженность каса-

тельно проведения федеративной реформы, негативно оценивая влияние партии «Лига Севера», которая ратует за отделение регионов северной Италии. Необходимо подчеркнуть, что действительно итальянская национальная идентичность сегодня подвергается огромным рискам, связанным прежде всего с влиянием партии «Лига Севера» в ряде регионов, что способствует активной трансформации региональной идентичности, результатом которой может стать сецессия севера страны.

Другая националистическая политическая сила «Правые» является более радикальной в своих программных установках, чем «Будущее и свобода для Италии». В 2007 г. в «Национальном альянсе» произошел раскол: некоторые члены партии посчитали, что ее политика стала слишком центристской, и решили создать новую партию, отвечающую ценностям национального консерватизма. В настоящее время партия выступает против развития автономизма в северных регионах, считает необходимым резкое прекращение внешней миграции в страну и предлагает провести депортацию всех нелегальных мигрантов.

Во Франции основная специфика современного национализма заключается в том, что в отличие от других стран Западной Европы, националисты играют одну из ключевых ролей на политической арене. В качестве такой политической силы выступает «Национальный фронт» – одна из старейших политических партий Франции, созданная в октябре 1972 г.

В 70-е гг. XX в. партия не была популярна в стране, прежде всего из-за достаточно радикальной риторики и лозунгов, а также из-за того, что проблема внешней миграции не была актуальна для Франции как сейчас. Со второй половины 70-х гг. партия начинает отходить от лозунгов, нередко граничащих с экстремистскими, и переходит на гораздо более умеренные позиции. В последующее десятилетие Франция по-настоящему начинает сталкиваться с проблемой мигрантов – сегмент иностранцев преимущественно из стран Северной Африки достиг 6,8 % от общего числа населения. Вопросы, связанные с миграцией, стали рассматриваться уже не в социально-экономическом аспекте, а сконцентрировались главным образом на проблемах определения национальной идентичности. Начиная с

80-х гг., иммиграция заняла центральное место в политическом дискурсе «Национального Фронта». Укрепление позиций французских националистов продолжало нарастать по мере нерешенности миграционного вопроса, который является источником таких острых проблем, как рост бытовой преступности и «размывание» французской национальной идентичности. На данный момент в своих программных установках «Национальный фронт» делает акцент на проблеме уменьшения влияния роли европейского континента в мировой политике, причину которой он видит в кризисе национальной идентичности, вызванной слишком большим наплывом в европейские страны людей с чуждыми местному населению культурными традициями [12].

Специфика современного националистического движения в Бельгии заключается в том, что в стране отсутствует политическая сила, выражающая ценности государственного национализма. В Бельгии преобладает этнический национализм, происхождение которого обусловлено федеративным устройством, разделяющего страну на две этнические составляющие: фламандскую и валлонскую.

Националистическую силу Фландрии в настоящее время представляет партия «Фламандский интерес», созданная еще в 1977 г. С актуализацией для Бельгии проблемы нелегальных мигрантов партия стала заметно набирать популярность, получив на выборах 1991 г. 10,4 % голосов избирателей. Мнение о том, что данный фактор представляет угрозу для национальной идентичности страны, разделяло подавляющее большинство жителей Бельгии: в 1993 г. 54 % из числа опрошенных бельгийцев считали, что количество проживающих в стране мигрантов из-за пределов Европейского Союза слишком велико, а 32 % выступали против приема мигрантов из наиболее проблемных регионов, в частности государств Южного Средиземноморья [13, с. 95].

«Этническая» сторона национализма партии «Фламандский интерес» проявляется в наличии антиваллонской риторики в ее политическом дискурсе: партия регулярно оперирует тезисами об экспансии франкофонского населения во фламандские районы и экономическом «содержании» Валлонии за счет «развитой» Фландрии [13, с. 96].

Что касается современного валлонского национализма, то наиболее влиятельной пар-

тией этого спектра является «Национальный фронт», который в ряде аспектов копирует одноименную французскую партию. Однако в отличие от нее бельгийский вариант «фронта» не имеет такой значительной поддержки: в период своей популярности в начале 1990-х гг. партия не получала более 5,2 % голосов избирателей Валлонии, а в настоящее время в парламент прошел всего один депутат от «Национального фронта» [13, с. 97].

У фламандских и валлонских националистов можно наблюдать различный подход во взглядах относительно бельгийской государственности. Если в понимании фламандских националистов Бельгия как государство представляет собой своего рода анахронизм, являющийся преградой к гармоничному развитию региона, то валлонские националисты менее радикально настроены по отношению к единому бельгийскому государству. Это прежде всего говорит о том, что субнациональная идентичность, фламандская, обладает большим мобилизационным потенциалом, нежели валлонская этническая идентичность [13, с. 97].

В современной Великобритании главной националистической силой является «Британская национальная партия» (БНП), предшественником которой считается «Национальный фронт», созданный еще в 1960-х гг. Длительное время британским националистам не удавалось добиться каких-либо электоральных успехов, причиной чему на разных этапах становились раздробленность внутри организации и использование националистической риторики Консервативной партией, в особенности в период правления М. Тэтчер. Вплоть до конца 1990-х гг. БНП представляла довольно радикальную политическую силу, которая часто прибегала к «уличным» методам борьбы. Новая эпоха в истории британских националистов началась в 1999 г., после того как новым председателем партии стал Н. Гриффин. В настоящее время партия действует исключительно в легальном политическом поле, отстаивая такие идейные принципы, как борьба с нелегальной миграцией, сокращение расходов в интересах этнических меньшинств, а также выход из состава Европейского Союза [14].

В последнее время партия добивается определенных успехов в ходе выборов. Так, на выборах мэра Лондона в 2008 г. кандидат от партии получил 5,2 % голосов избирателей, пока-

зав лучший результат для БНП в истории. Улучшились результаты и на парламентских выборах: несмотря на общий результат в 1,9 %, в ряде округов партия добилась хорошего результата: в округе Баркинг – 14,6 %; в округе Дегенхэм и Рейнхэм – 11,2 %; в Западном Вест Бромвиче – 9,4 %; в Ротерэме – 10,4 % [15]. Во многом положительная динамика в результатах обуславливается проблемами межэтнических отношений в Великобритании, а также аспектами проявления кризиса национальной идентичности в стране, вызванного, прежде всего, негативным влиянием фактора миграции и актуализировавшимися проблемами сепаратизма Шотландии.

Итак, переходя к выводам, необходимо подчеркнуть, что национализм в государствах современной Европы представляет собой достаточно неоднородное в идейном аспекте явление, что обуславливает различную степень и разный характер его влияния на национальную идентичность. Для националистических сил в странах Восточной Европы характерно использование в своем политическом дискурсе фактора внешней угрозы (как правило, в лице соседних государств), представляющего собой мобилизационный ресурс национальной идентичности. Что касается стран Западной Европы, то там центральное место в политическом дискурсе националистических сил занимает проблема неконтролируемой внешней миграции, способной, по мнению националистов, спровоцировать кризис национальной идентичности. Кроме того, современный национализм в западноевропейских государствах способен оказать влияние на национальную идентичность, поскольку дискурс националистических партий в ряде стран включает варианты решения таких актуальных для национальной идентичности вопросов, как сепаратизм в регионах и нарастающее влияние глобализации.

Следует отметить, что в настоящее время, несмотря на определенные электоральные успехи, националистические силы в Европе не имеют достаточно ресурсов для полноценной реализации своих программных установок и соответственно не могут оказать масштабного влияния на национальную идентичность ряда стран, однако положительная динамика в данном аспекте говорит о том, что в будущем характер национальной идентичности в евро-

пейских государствах под воздействием националистических сил может измениться.

Литература

1. *Жиряков И.Г., Барабанов М.В.* Феномен «политического неприятия» России в современной Польше // Вестн. МГОУ. 2012. № 5. С. 54.
2. *Вятр Е.* Польша – Россия: национальные интересы или историческая память? // Социология. 2011. № 3. С. 30.
3. Национализм и популизм в Восточной Европе: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.И. Игрицкий. М., 2007. 176 с.
4. Кровь на Днестре. Румыния может начать войну с Украиной // Русичи: социально-правовой портал. 06.02.2014. URL: <http://www.rusichi-center.ru/e/31765-12-krov-na-dnestre-rumyniya-mozhet-nachat-voynu> (дата обращения: 27.05.2014).
5. Election program of the Slovak national party // Slovak national party: official web-site. 2006. URL: http://www.sns.sk/engine/assets/uploads/2010/03/sns_program_english.pdf (дата обращения: 27.05.2014).
6. *Георгиев К.* Българските турци са под тотален контрол // Демокрация. 2006. № 11. С. 5.
7. *Инджов И.* «Атака» разчиства пътя за Бойко Борисов // Лидер. 2006. № 9. С. 26 – 27.
8. *Инджов И.* Интервью на Живко Георгиев: През 2005 г. българите показаха жълт картон на партиите // Лидер. 2005. № 36. С. 27.
9. *Секачев В.Р.* Украинский национализм и украинцы // Социальное согласие против правого экстремизма. 2005. № 3 – 4. С. 327.
10. *Миллер А.* Тень «Свободы» // Эксперт. 2012. № 45. URL: <http://expert.ru/expert/2012/45/ten-svobodyi/> (дата обращения: 27.05.2014).
11. Предвыборная программа партии «Испанская фаланга и ХОНС» // Официальный сайт партии «Испанская фаланга и ХОНС». 2011. URL: http://www.patriasindicalista.es/ateneoazul/ps_textos/133_propuestas_FE_JONS_2011.pdf (дата обращения: 26.05.2014).
12. *Васильева Н.Ю.* Национальный фронт вчера и сегодня // Французский ежегодник: официальный сайт журнала. 2003. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/stat-jj/VasilievaN-2003.html> (дата обращения: 28.05.2014).
13. *Тэвдой-Бурмули А.И.* Правый радикализм в Европе // Современная Европа. 2005. № 4.
14. *Курнос Д.Д.* Британская национальная партия: эволюция и перспективы // ПОЛИТЭКС: официальный сайт журнала. 2008. URL: <http://www.politex.info/content/view/403/30/> (дата обращения: 28.05.2014).

15. Результаты выборов в Палату общин 2010 // The United Kingdom Electoral commission. 2010. URL: <http://www.electoralcommission.org.uk/find-information-by-subject/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/uk-general-elections/2010-uk-general-election-results> (дата обращения: 22.05.2014).

Поступила в редакцию

23 июня 2014 г.
